

The basis for the derivatives based on hydrology was a fairly large water arteries. The names of them are preserved for many years in contrast to microhydronyms. The analysis of the arteries allows us to talk about the distant past, about the long-standing contacts and migrations of people, and about the features of ethnogenesis. As shown in the research, the majority of microhydronymic nominations has a semantic connection with the new river names of the Slavic origin. The derivatives based on hydrology are observed in Barskiy, Kalynivskiy, Khmelnytskyi and Shargorodskiy districts more often; and they have analogues in other territories of Ukraine.

Key words: *toponym, hydronym, microhydronym, nomination processes, hydrostem's semantics, derivatives based on onomastics, derivatives based on hydrology.*

References

1. Verbych S. O. Etymolohichni studii z podilskoi mikrotoponimii / S. O. Verbych // Studii z onomastyky ta etymolohii, 2011-2012 / vidp. red. O. P. Karpenko, V. P. Shulhach. – Kyiv, 2012. – S. 51–60.
2. Slovnyk mikrohidronimiv Ukrainy. Volyn. Zhytomyrshchyna. Zaporizhzhia. Kyivshchyna, Kirovohradshchyna. Poltavshchyna. Cherkashchyna / uklad. I. M. Zheliezniak ta in.; pid red. O. P. Karpenko. – Kyiv : Oberehy. – 2004. – 448 s.
3. Slovnyk mikrotoponimiv i mikrohidronimiv pivnichno-zakhidnoi Ukrainy ta sumizhnykh zemel. T. 1. / Uporiad. H. L. Arkushyn. – Lutsk : RVV «Vezha» Volyn. derzh. un-tu im. Lesi Ukrainky. – 2006. – 408 s.
4. Torchynska N. M. Slovnyk vlasnykh heohrafichnykh nazv Khmelnytskoi oblasti / N. M. Torchynska, M. M. Torchynskiy. – Khmelnytskyi : Avist. – 2008. – 549 s.
5. Slovnyk hidronimiv Ukrainy. – Kyiv : Naukova dumka, 1979. – 780 s.

*Алексей Романчук
(г. Кишинев)*

УДК [811.161.2'2:39](161.2:478)

ЗАПРЕТ НА СЖИГАНИЕ ЯРМА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПОВЕРЬЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА В УКРАИНЦЕВ С. БУЛАЕШТЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

У науковий обіг уперше введено відомості про вербалізацію окремих найбільш виразних і перспективних у науковому плані повір'їв та уявлень про поховально-поминальний цикл в українців с. Булаєшти Республіки Молдова. Найбільший інтерес з-поміж них викликають заборона на спалювання волового ярма та заборона на знищення жаб, а також заборона на використання вина замість колодязної води в посуді, що роздається за поману душі покійного під час похорону. Для першої з них аналогії поки що виявлені в ареалі подільських говорів (Чечельницький р-н Вінницької обл., що корелює з деякими лексичними паралелями булаєштьської говірки). Друга заборона достатньо спорадично, та все ж представлена ширше; територіально найближчими до Булаєшт зонами, де вона засвідчена, є ареали покутських, а також гуцульських говорів (що також корелює з попередніми

нашими висновками, одержаними при аналізі відповідних діалектологічних даних). Пошук аналогій третій забороні становить завдання подальших досліджень.

Ключові слова: етнолінгвістика, діалектологія, українські говори, Республіка Молдова, поховально-поминальна обрядовість.

Постановка проблеми. Изучая погребально-поминальную обрядность и связанные с ней поверья и представления, крайне важно учитывать как их ритуальную сторону, так и то, как они вербализуются. Очевидно, что это будет представлять интерес как этнолингвистики, так и для диалектологии.

Также ясно, что, говоря об отдельной этнографической группе (в данном случае – булаештских украинцев), наиболее продуктивно было бы прежде всего представить именно максимально полное (насколько это возможно) описание характерного для нее комплекса погребально-поминальной обрядности в целом (своего рода «принцип словаря» – чем полнее, тем лучше). Притом, полагаю, наиболее уместен для такого рода работы был бы именно максимально дескриптивный подход.

Но, также ясно, что масштаб такой задачи – тем более при жестких ограничениях по объему текста, вынуждают концентрировать внимание в первую очередь лишь на наиболее интересных из подмеченных явлений.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследование этнографической группы булаештских украинцев ведется не более десяти лет (см.: [9]). За это время проделана значительная работа, но конкретно погребально-поминальная обрядность до нынешнего года предметом отдельного рассмотрения не являлась. В текущем же году вышел ряд работ А. А. Романчука, посвященных такому любопытному феномену данного цикла, как обряд «передачи курицы через могильную яму» [10; 13]. Полученные в них выводы позволяют рассматривать данный феномен как восточнороманское влияние на крайнюю юго-западную периферию украинского этнодиалектного континуума.

Что же касается тех элементов погребально-поминальной обрядности булаештских украинцев, которые стали предметом рассмотрения в данной статье, то ранее они не затрагивались даже мельком.

Итак, **целью** данного исследования именно и является ввод в научный оборот и первичный анализ вербализации некоторых наиболее примечательных, поверий и представлений погребально-поминального цикла у булаештских украинцев.

Актуальность исследования обусловлена тем, что как было уже отмечено выше, оно, собственно, представляет собой первый опыт такого рода применительно к данным элементам погребально-поминальной обрядности булаештских украинцев. Представляется, что введение в научный оборот данного этнолингвистического материала будет весьма полезно для стимулирования такого рода исследований и для украинского ареала в целом.

Среди рассматриваемых поверий, в первую очередь, конечно, интерес возбуждает вынесенный в заголовок запрет на сжигание воловьего яра. Посмотрим подробнее.

Итак, согласно информации, записанной у В. М. Романчук (подробные данные об информаторе см.: [9]) в июне – июле 2016 года:

«Йар¹мо нег¹з'а па¹летит^е // так к'енути^е / найгне¹йе / а¹ле не па¹летит^е // так ста¹р'і ка¹залие // а чо / не з¹найу».¹

¹ В булаештском говоре все согласные перед /i/ смягчаются. Пользуясь случаем, уточню наблюдение, озвученное в [8, с. 337, прим. 3] по поводу смягчения звука /ш/ перед /i/ в булаештском говоре. Там было указано, что звук /ш/ в данной

То есть, мотивация запрета в булаештских поверьях сегодня уже утрачена (по крайней мере, выявить ее пока не удалось). Соответственно, и связь с представлениями о смерти здесь не выявляется.²

Но любопытно, что по данным исследований подольских говоров обнаруживается как раз тесная связь этого мифологического представления с комплексом представлений о смерти. Причем, речь идет о малораспространенном, точнее даже – редком, поверье.

Именно, согласно И. В. Горофьянюк, «у с. ВербкаЧечельницького р-ну Вінницької обл. засвідчено не відомий іншим регіонам спосіб полегшення передсмертних страждань людини, пов'язаний з використанням ярма та інших обрядодій: *йакшо л'удина неї 'може ўмерти то заби'рала ў 'нейі зн'ід голо'ви поу'душку і к'лала ку'файку / а'бо 'каже шо 'може л'удина ко'лис' ў жи'т':і спа'лила йар'мо / це шо на во'л'іу над'і'вали ко'лис' / та і 'може во'на 'того не''може ўмерти / то к'лала йар'мо п'ід 'голову / 'каже шо йакшо йар'мо спа'лити / то л'удина не''ўмре / а буде 'мучитис'а 'доўго ў 'муках' //» [4, с. 65].³*

Чечельницкий район – крайний юго-восток Винницкой области, на границе с Кодымским районом Одесской области. Эта локализация весьма любопытна, поскольку булаештский говор обнаруживает ряд других (притом тоже редких) параллелей именно с украинскими говорами Кодымского района и соседних, в частности – села Писаревка.

Из других любопытных поверий булаештских украинцев, связанных со смертью, привлекает внимание еще один запрет – на убийство лягушек и жаб.

позиции звучит как в русском «шина». Однако данное наблюдение де факто исходило из отдельного рассмотрения звука /ш/ и звука, который мы с И. В. Горофьянюк в [5] обозначили с помощью соответствующего знака МФА, но который, если использовать иную традицию транскрипции, должен обозначаться как /ш':/- т.е., «ш/ мягкое долгое». Именно он представлен в исконно булаештских /ш':иск'/ 'шесть', /ш':аск'а/ 'счастье' и под.. А вот в новозаимствованном из русского варианте произношения числительного 'шесть' мы видим произношение /шыск'/. Соответственно, именно к таким новым заимствованиям и следует отнести озвученное в [8] наблюдение.

В более архаичной же лексике булаештского говора мы в позиции перед /i/ регулярно наблюдаем /ш':/ – т.е., аналогичное прочим согласным сильным смягчение звука /ш/.

² Пожалуй, здесь же любопытно упомянуть, что существует в Булаештах и запрет на сжигание «мая» – зеленых веток граба (как правило; хотя могли использоваться и ветки других лиственных деревьев), которыми убирали дома «на Зе'лену не'г'іл'у». «Май» следовало бросать только в речку – т.е., в проточную воду.

³ Поверье о подушке как способе облегчить смерть, однако, в булаештских представлениях отсутствует. Равно как, замечу, и об открывании дверей с этой целью.

Из способов же облегчить/ускорить смерть умирающего, В. М. Романчук сообщила о следующем: «К'а'зале / шо йак се 'муч'і май 'доўго / не уме'райе / та 'класти'е коло 'него д'ранк'а то шо на смерк' / та то'де уме'райе май с'коро / не се 'муч'і».

То есть, одежде, приготовленной на смерть («д'ранк'а то шо на смерк'»), приписывалась функция облегчения смерти.

Также, «шоб чо'л'в'ік май 'легло уме'рау – маслу'яале //йак 'доўго не уме'рай / се'муч'і / та мас'луйут // а'бо уме'рай / а'бо ста'іе май 'легло //тата хо'к'іле маслу'яате / а в'ін нехк'іу // 'В'ера на'нашч'іна маслу'яала на'нашчу /тай та 'скоро ў'мерла».

По поводу «маслования» В. М. Романчук сообщила также ряд дополнительных и представляющих значительный интерес сведений. Именно, она описывает обряд следующим образом: «Пре'вог'а по'на / та мас'луйе // у'сорок одо'вец'іу з'ібе'райут з'рош':і / тай пл'атели'е по'нове"». В другом своем сообщении эту же информацию она озвучила несколько иначе: «К'леч'а по'на / збе'райут у одо'вец'іу / в'ід 'дев'ік' ж'і'нок / хто ко'п'іку / хто дв'і // та к'і з'рош':і да'йут по'нове"».

В обоих случаях подчеркнута, что «т'раба 'ім'ін:о в'ід одо'вец'іу з'ібе'рате"». Однако количество вдовиц, равно как и срок исполнения предусмотренного ритуалом (смерть или выздоровление критически больного) различаются – или сорок, или девять дней.

Видимо, использовались оба способа, в зависимости от желаемой продолжительности «контрольного срока» – девять или сорок дней.

Вообще же по поводу легкой/тяжелой смерти в Булаештах бытует такое поверье:«Цей шо ўме'райе на хо'ду / це смерк' с ко'соу' / а той шо 'доўго се'муч'і / то смерк' с 'пелкоу' //а'де 'С'ен'а 'Мандж'ул ко'сеу' / у ў'мер п'рамо там // то с'мерк' з ко'соу'».

Основным фактором, обуславливающим трудное и долгое умирание, считается жалость родственников: «Се'г'іла 'коло 'него і дер'жала св'ічк'е / і не ўме'рау // іа 'в'ішла над'в'ір / у'на к'реч'е не захо'г'іт с'уда / бо м'і'н'і 'було 'жалко / і іа п'лакала і в'ін не ўме'рау //йак за чо'л'в'іком п'лакати'е та в'ін не'може ўмерти'е ... за л'убем / за 'ж'інкоу' / за де'теноу'».

Отметим, что аналогичное поверье было зафиксировано у гуцулов еще в конце XIX века [12, с. 241].

Итак, согласно общему мнению булаештских украинцев: «*Нед'з'а жаб'ю убе'вати^e / бо /мама ум'ре*».

Примечательно это поверье в первую очередь тем, что вообще в славянской мифологии лягушка и жаба считаются нечистым животным, родственным змее и другим гадам [6, с. 380]. Как и змей, их считают ядовитыми. В Чехии на Юрьев день даже не пьют воду с колодцев, так как считают что в этот день открывается земля и выпускает яд, который переходит на змей и лягушек. И, вообще в славянском ареале лягушек могут убивать, в том числе используя в различных магических ритуалах.

Но кое-где тоже зафиксировано и представление о том, что лягушку нельзя убивать, иначе умрет мать [6, с. 382].

Любопытен ареал такого представления: по данным А. В. Гуры оно фиксируется: в Воронежской губернии (Острогожский уезд, Сагуны); в Белоруссии (Гродненская губ.; Брестская обл.); в украинском Полесье (Житомирская область; Волынская обл.); в Ивано-Франковской обл. (р-н Тлумача, Стриганцов); в Покутье; в Польше (Тарнув); в Сербии (Левач и Темнич); в Боснии и Герцеговине; в Черногории (Колашин).

По всей видимости, речь идет о достаточно архаичном и сравнительно редко распространенном поверье. Вероятно, более детальное рассмотрение ареала его бытования позволит получить важную информацию относительно ранних этапов развития позднеславянского этноязыкового континуума.

Здесь же хотел бы отметить, что территориально ближайшая к Булаештам зона, где представлено данное поверье – это Покутье. И Тлумач, как и северная часть Тысменицкого района (где находятся Стриганцы) – тоже расположен в ареале покутских говоров [1, с. 32].

Между тем, как было показано в предыдущих работах, ближайшими родственниками булаештского говора являются покутско-буковинские и гуцульские. Причем, если рассматривать покутско-буковинские говоры как более сложный феномен, состоящий из двух групп говоров, то и в фонетическом и в лексическом отношении булаештский говор ближе как раз к покутским.

Кстати, пользуясь случаем, к рассмотренным ранее параметрам, по которым булаештский говор демонстрирует особую и специфическую близость именно к покутским говорам, добавлю еще один: для булаештского говора характерны формы *д'воѡа* 'двое', *т'роѡа* 'трое'. Согласно данным К. Ф. Германа [2, с. 159, карта 74], форма *д'воѡа* 'двое' распространена очень узко и специфична как раз для ареала покутских говоров. Притом почти исключительно (если говорить о Черновицкой области) для территории Кицманского и Заставновского районов – именно в этих двух районах, как было показано ранее, фиксируется и основная масса лексических параллелей, которые булаештский говор демонстрирует по отношению к покутско-буковинским.⁴

И здесь надо заметить, что согласно Ю. Шевельову покутские говоры демонстрируют особенно много общих черт как раз с гуцульскими; О. Горбач же полагает, что

⁴ Для большей ясности приведу здесь, как выглядит ареал покутских говоров согласно Б. Кобылянскому: «... територія Снятинського, Городенківського, Тлумачького, північна частина Тисменицького, більша частина Коломийського (без південної частини) районів, а далі покутський говір поширений у колишніх буковинських районах: Новоселицькому, Чернівецькому, Садгірському, Вишківському, Сторожинецькому, Кицманському і Заставнівському» [1, с. 32].

возникновение покутских говоров обусловлено скрещением на Покутье «гуцульської та наддністрянської експансії» (цит. по: [1, с. 32]).⁵

Как «безпосереднє продовження наддністрянського ареалу» рассматривала покутские говоры и Я. Закревская (цит. по: [1, с. 32]). И в этой связи любопытно, что булаештский говор, как показывает анализ словаря Г. Шила, обнаруживает весьма интересные специфические или редкие лексические параллели и с надднестрянскими говорами (см: [9]; также мои неопубликованные данные). Причем параллели, отсутствующие (насколько удалось установить) в том числе в ареале гуцульских говоров.⁶

В грамматическом отношении наибольшую близость к булаештскому говору также проявляют именно надднестрянские ([3]; см. также: [8, с. 341–342, прим. 8]).

Однако поверье о запрете на убийство лягушек / жаб у гуцулов как раз тоже фиксируется, причем в точности соответствующее булаештскому: «*жсьибу не можу бити, бо такому умерла би мама*» [12, с. 273]. Зафиксировано было такое поверье в с. Головы Верховинского района.⁷

Вопрос, требующий дальнейшего уточнения, однако, заключается в том, насколько это поверье широко представлено у гуцулов? И является ли оно общегуцульским?

Продолжая, обратимся к представлениям носителей булаештского говора по поводу собственно момента смерти.

Итак, зафиксированы такие определения умирающего, как: *ча/суїе – в'ід се/годни^е до /заўтр'іу; н'ресмерт'і* (здесь, видимо, уже влияние русского языка; более характерный, нормативный для Булаешт вариант произношения *пре смер'к'і*. «*Ча/се / ден' в'ід дн'а / не бде ўже /доўго /жете*»; «*Це йак сва'р'асе / /бач'а / шо же'їе в'ід се/годне до заўтриў // /кажут / а/де / одна но/га у /йам'і / а в'ін шч'е ...*»).

Более близкое к моменту смерти состояние описывалось следующим образом: «*к'ірез раз /дехаі*»; «*ко/наі – це ўже посл'ідн'і ўз/дох'і*».

Сам момент смерти маркировался в социальном пространстве несколькими действиями, призванными оповестить село о смерти. Прежде всего, над дверями, под стреху вывешивалась т.н. *алтэца*: «*Напе/ред двер'ме ч'ін'йайут / кла/дут / голку / нетку / у о/ден /колцек коп'і'йок // ал'теца // ч'ін'йайут н'ід с'т'р'іху*». В другом своем сообщении В. М. Романчук, что очень интересно, употребила для обозначения этого понятия термин *полот'но*: «*Коро/га на пере/хак'і і полот'но н'ід с'т'р'іху // полот'но т'кани^е // /били^е // по/над двер'ме ч'ін'йали^е полот'но*».

⁵ Впрочем, на основании лексико-семантических данных КДА Г. П. Клепикова, Т. В. Попова и В. В. Усачова пришли к выводам [1, с. 32], которые, по всей видимости, позволяют рассматривать покутские говоры как самостоятельную группу – и занимавшую в прошлом обширную территорию от Днестра до р. Лимница.

⁶ Здесь же стоит отметить, что в Булаештах «*жа/бе /рохкайт*» [9] – явление тоже редкое, и обнаруживающее аналогии в ареале другого, очевидно – более древнего «родственника» булаештского говора – закарпатских говоров (см. [9]; также ряд последующих статей А. А. Романчука (прежде всего: [8, с. 341–342, прим. 8], а также статью И. В. Горофянюк [3]).

⁷ Отметим также такую булаештскую примету смерти: «*Курка /ніе йак ку/гут*».

У гуцулов было зафиксировано достаточно развернутое описание этой приметы: «*Курица, которая поет как петух, ворожит домашним смерть*» [12, с. 266]. Равно как и действий, которые с ней следует предпринять – измерить ею хату от стены до порога, и если выйдет головой – зарезать (а если хвостом – «*утьити его*»).

В Булаештах по поводу измерения хаты такой курицей ничего не сообщают. Но считается, что курица, поющая как петух, предвещает несчастье в хозяйстве, какую-то пропажу, потерю, и хозяева будут болеть. Поэтому, такую курицу сразу режут и (важно!) – «*голоу в'ік'е/дайут*».

Заметим, что с обычной курицы или петуха голова считается чуть ли не деликатесом, и обязательно берется, особенно для холодца.

Далее, среди примет смерти в Булаештах стоит указать на то, что «*йак коко/веўка коко/веўкайе на мага/л'і / та /к'ірез /дев'ік' /ден' /буде умерт'вец*». Это же поверье известно у всех славян [6, с. 369].

Не совсем ясно пока, использован ли был здесь термин *полот'но* по той причине, что изначально *ал'теца* представляла собой кусок полотна (позже мог быть использован любой кусок ткани или, что чаще – платок), или, действительно, мы имеем два синонимичных термина – *ал'теца* (более поздний, очевидно, и представляющий собой заимствование из молдавского; отметим, что в сравнении с молд./рум. *altițe* в булаештском в этом слове /m/ (как и /ц/) – твердый) и *полот'но* (более ранний).

Смерть близкого человека накладывала на родственников его определенные обязательства.

Прежде всего, близким родственникам умершего нельзя было работать. Причем, с этим связано интересное поверье об онемении рук тех, кто все же посмеет нарушить запрет: «*Ро'белие май да'лек'и // май б'лезк'и 'н'амур'и* (менее распространенный, но явно более архаичный вариант произношения: *'н'амор'и* – А. Р.) *не ро'белие / бо 'кажут / шо 'рук'и затер'пайут // 'р'ідн'и не 'дожн'и ро'бетие / по'ка не похो'вайут // не'чо не 'роб'иа // не пра'шуйут / не са'г'а*».

Впрочем, процесс подготовки к похоронам просто и не оставлял времени на какие-то другие занятия.

Особо оговаривалось, что нельзя было выметать мусор из дома, пока в нем находился умерший: «*Нег'з'а см'і'к'а в'і'к'а в'і'дате / не се зам'і'тай // за д'вер'и / а 'н'ісл'а мер'ца ўже в'і'к'і'дайут*». Здесь стоит подчеркнуть, что формально запрещалось вообще подметать, но де-факто просто не выкидывали мусор, заметая его в угол, за дверь.

Также мужчинам запрещалось бриться: «*Р'ідн'и-р'ідн'и 'г'іте брат / та 'кажут шо не'бретце до 'сорок дн'іў*».

Женщинам же положено было ходить с покрытой головой, притом цвет платка – черный: «*Для 'похорона ўбе'райут у 'чорн'ім // 'ж'інк'е 'хог'а у 'чорн'ім аж до 'сорок ден' за'век'и // се заве'вале ч'і у бас'му / ч'і у 'колцек / але 'чорней*».

Напротив, мужчинам возбранялось покрывать голову: «*Чоло'в'ік'и роз'век'и // 'к'іко е ўмерт'вец / та хо'делие роз'век'и / а по'том ўбе'ралие 'кучму // чоло'в'ік'и б'із 'кучмие / б'із шл'апк'и* (кепки – А. Р.)».

Причем соблюдался этот запрет и зимой.

Аналогии этой традиции обнаруживаются и у гуцулов, где мужчины не покрывают голову аж до похорон [12, с. 242]. У молдован же, согласно Дм. Кантемиру, мужчинам-близким родственникам положено было по полгода ходить с непокрытой головой [7, с. 65].

После купания умершего одевали. Для этого использовался термин *ўбе'рате*: «*Убе'ратие мер'ца // спор'а'детие мер'ца не ка'залие // спор'а'детие / це ўже то / шо на перехак'и / шо 'кому да'йут за по'ману*».

Одевали его в одежду, которую специально собирали еще при жизни: «*Д'ранк'а на смерк' ка'залие // з'ібе'ралие заве'к'а / со'роч'ка / сп'і'н'еца / ко'цу'не // ус'о*».

Мужчине на смерть одежду собирала жена.

Важно подчеркнуть два момента.

Во-первых, считалось предпочтительным быть похороненным в той одежде, в которой человек женился/выходил замуж: «*Їак хто 'можие де'р'жатие / та шоб хо'ватие у то'к'ім д'ранк'овие / шо се в'ін'ч'алие // 'майу 'кофточ'ку 'б'ілу 'в'інчану / комб'і'нашку // у'на ўже не прие'ходие на 'мене / а йе*».

Во-вторых, считалось важным выполнить волю умершего на этот счет: «*Кажут шо гр'ix / ісл'і ка'заў шоб похo'вали^е у ц'ім д'ранк'ови^е / а і'го у д'ругем // йак коле це д'ранк'а не преі'мени^е*».

То есть, не пойдет на пользу умершему на том свете (давая что-либо за по'ману, или выполняя то или иное действие подобного рода, приговаривают: «*най бде преі'мени^е*»).

Но если смертной одежды не было заготовлено (что тоже случалось – особенно при неожиданной смерти сравнительно молодых людей), то брали любую: «*Д'ранк'а йа'к'е 'маіе / та'к'е й убие'рали^е // лешен' не 'б'іли^е // бас'му ч'ір'вону / чорну / лешен' не 'б'ілу // ... ўзу'к'а йа'к'е наші'ле / у'капц'і ўзу'яли^е / чоло'в'іка і 'ж'інку // пли'ле 'капц'і з 'woўни^е*».

Примечательным является обязательное наличие головного убора для мужчин – который, однако, ему не одевали, и в могилу затем не клали: «*У ш'л'апк'і не хо'вайут // кла'дут 'коло 'него / а по'том да'йут за по'ману*».

Это момент важный, поскольку у гуцулов умерших мужчин хоронили в шапке (а молодых парней – в капелюхе) [12, с. 248]. Видимо, булаештская традиция имеет иные истоки, которые необходимо будет прояснить.

Гроб имел следующую форму и характерные детали интерьера и экстерьера: «*Де 'ноги^е май уз'ка / де труп май ше'рока // т'руну не кра'с'а // уба'райут // 'ран'чі леш у сере'ден'і // а по'верх'і н'е 'ран'чі клали^е кад'р'ела // забе'вали^е ц'і'вашками^е*».

Характерную технологию применяли для изготовления дна гроба – оно было не сплошным, из доски, а представляло собой несколько поперечных (прибитых снаружи) планок, на которые стелился камыш: «*У нас леш блан'к'е к'лали^е / на нех т'рош':у // т'рош':а ца шо хату ўкре'вайут // су'ха т'рош':а // в'і'конца у 'трун'і не ро'бели^е*». Или: «*На дно т'руни^е кла'дут трош':у // с'тел'а гд'су // ч'і п'ростен' 'кол'а // у нас 'роб'ія т'руну / та кла'дут леш блан'к'е / та по'том с'тел'а т'рош':у // леш блан'к'е попе'рек / та по'том на нех т'рош':у // сант'і'м'етр'іу т'ре'цік'».*

Возможно, что такая конструкция дна мотивировалась целью экономии дерева. Но не исключено и то, что здесь мы имеем момент ритуальный, и мотивированный определенными мифологическим представлениями. Но реконструировать их пока не удалось: «*А чо дно не забие'вали^е? – Так за'помни^ели^е / і 'зари'з йак 'роб'ія т'руну / та з блан'ками^е*».

Отсутствие окон в гробу – тоже момент специфический, он отличает булаештскую традицию и от соседней молдавской, и от гуцульской.

Стенки гроба украшались нарисованными крестиками: «*Р'ісу'яли^е х'рести'к'і на с'к'інах / с'переду / з'заду // ш'тери^е х'рести'ка*».

Крышка гроба именовалась *в'іко*.

Особо следует рассмотреть ритуальное использование стружек, которые получались при изготовлении гроба: «*З с'тружк'іу 'роб'ія 'подушку // так за'помни^еле / а йак не'ма с'тружк'іу / з 'с'іна // а'ле з тра'ве / не з л'і'церне // ва'сел'ок / м'н'атк'і ч'і н'інтра'еш': / с'тружк'і і 'того кла'дут // с'іно і з чобре'ку / шоб 'пахло*». Или в другом сообщении: «*Ро'бели^е 'подушку з тра'ве / клали^е г'реб'ін' // 'ж'інк'і клали^е на 'голоу г'реб'ін' / тра'веч'ка мн'а'кон'ка*».

Все то время, пока умерший лежит в дому, его навещают все, кто пожелает: «*Пре'хог'а 'л'уде до ў'мершого / з св'іч'каме // св'ік'а св'іч'к'е // л'убей хто 'хоч'е // ... св'ік'а св'іч'к'е / бо т'раба шоб го'р'іло с'в'ітло ц'і тре дн'і // т'раба шоб шоу з с'в'ітлом // канд'іла го'рет 'тоже тре дн'і ц'і*».

Называется это «в'іпроваді'ти' мі'р'ца / пре'шоу / в'іпроваді'ти' мі'р'ца». А не попросяться, в отличие от, например, полесского ареала: «Тре дн'і в'ін ле'жет / тай пре'хог'а // по'башти' у'мер'ца / як се про'ш':ати' / як в'ін у'же у'мериш'ї ле'жет?».

Те, кто приходят навестить умершего, выполняют определенные действия: «Се х'реск'а / цу'луйут у'обра'зок / то'же се х'реск'а / шоб Бог і'го про'сте'у».

Также, навещающие умершего зажигают свечи и ставят деньги на свешник: «На с'в'ешн'ік кла'дуть йа'кого л'ейа // св'ічк'е пал'а на с'в'ешн'ікове // а ти'пер кла'дуть л'месоч'ку з му'коу / тай пал'а у к'і л'месочк'і».

Сам свешник ставят возле умершего: «С'в'ешн'ік кла'дуть коло л'него // перед сто'лом // а на сто'лови' седж'ї л'месоч'ка з му'коу / бутилка з ве'ном / з во'доу / п'р'анек'ї».

Надо отметить, что многие сегодня приходят и просто из праздного любопытства: «А йе шо г'ут за енте'ресом // об'суг'а / де у'брано / де к'ірен'а».

Существенную часть погребального булаештского погребального ритуала составляет голошение.

В нем принимают участи все желающие женщины, но обычно голосят все же лишь близкие родственники: «Го'лос'а хто хоч'ї // н'амур'ї / л'мама / л'сестри'е // чу'ж'ї чо л'будут голо'сети'е».

Отдельно стоит отметить два момента: во-первых, могли голосить и в доме – запрета на это не было: «Го'лос'а і у хак'ї». И, во-вторых, был запрет голосить ночью: «Уно'ч'е нег'з'а голо'сети'е / уно'ч'е не го'лоси'си'е // кажут / шо не се го'лоси'е // уно'ч'е йак се стем'н'айе».

Завершая этот очерк, остановимся и на некоторых представлениях, касающихся уже погребального и пост-погребального этапов ритуала – вплоть до такого временного маркера, как передача ст'раж'ї (то есть, момента, когда на воротах кладбища родственники предыдущего умершего передают символическую функцию по «охране» этих ворот родственникам вновь умершего).

Прежде всего здесь отмечу, что попа в Булаештах приглашали лишь непосредственно на похороны, но не ранее: «По'па кл'кали'е у'же йак хо'вати'е / а так н'е». Считалось, что душа и так попадет либо в рай, либо в пекло, куда ей назначено – без попа.

Далее, перемещение покойника на кладбище производилось предпочтительно волами (что широко известно в славянском ареале) – которым «хоз'а'ї в'їа'зали'е до йар'ма про'соб / те'раўне'к» (полотенца разного вида – А. Р.). И, еще предпочтительнее – в руках; если позволяла погода – покойника старались отнести именно в руках, на'нош':ах.

Существенную часть погребальной церемонии составляло прохождение гроба по дороге на кладбище через т.н. л'подур'ї, под'їшор'е (в переводе с молд./рум.: 'мосты', 'мостики') – постеленные полотенца, на которых размещались ритуальный калач и какая-либо посуда с налитой на доньшке водой. Их потом раздавали за поману (предпочтительно – родственникам): «Под'їшор сте'лели'е те'раўнек / чашку з водоу кл'лалі'е / с'в'іч'ку / серне'к'е / ко'лач»; «т'руну пере'нос'а ч'їрез под'їшор / по'том да'їут і'го за по'ману».

Примечательно строго фиксированное количество л'подур'їу: «Д'вац'ік' ш'тере' л'подур'а да'їут по до'роз'ї // і два на у'орок'ах / о'ден ко'ле в'ї'хог'а з во'драде' з л'церкове' / о'ден на ц'вентар'ови'е на у'орок'ах».

Любопытна мотивация как самого этого обряда, так и фиксированного количества под'їшор'їу: потому, что умерший по дороге на тот свет «про'ходи'е д'вац'ік' ш'тере'»

м'єтарства / казале ста'р'і // кла'дут у к'іше'н'і д'вац'ік' ш'тере ко'п'ік'і / ім'іно по ко'п'ік'і шоб'були'є».

Также весьма существенным является то, что в посуде на подишорах в обязательном порядке должна быть вода – и притом колодезная или родниковая (а не, например, лимонад). Недавно, последние двадцать-тридцать лет как появившаяся мода наливать вино (чтобы, в первую очередь, подчеркнуть зажиточность) – старшим поколением резко осуждается. Говорят, что в этом случае «*ве'но не бде преї'мене*» – т.е., не пойдет умершему впрок. В. М. Романчук неоднократно рассказывала историю о том, как после того, как однажды этот обычай был по настоянию одной из родственниц нарушен, умершая свекровь приходила к ней во сне и жаловалась: «*Та'к'є ба'гато 'цеї по'суде" / а ус'а по'рожна*».

Представляется что дальнейший анализ этого представления может дать любопытные результаты.

Также надо отметить, что для подишоров и вообще поман «*'wodu пре'нос'аш':е ко'ле умерт'вец у'хак'і / та насе'пайут по посуд'і / ко'тру да'йут за по'ману ... 'чашочку з wo'до ў сва'ченоў не'сут аж на ц'вентар' / там к'роп'іа*».

Остановившаяся на этом, напоследок отметим момент, относящийся к такому обширнейшему вопросу, как поминки. А именно на том, что раньше поминки в Булаештах практически обязательно были постными. В том случае, если хотели все же избежать этого запрета, поминки устраивали в четверг: «*У ч'ім'вер' ро'бели'є ско'ромни'є // 'ран'чі не ро'бели'є ско'ромно // а с'ваху у ч'ім'вер' / бо хо'к'іле м'н'аса*».

Выводы. Итак, вот те поверья и представления булаештских украинцев, которые мне хотелось представить в этом небольшом очерке. Понятно, что степень их эмпирической ценности как самих по себе, так и в качестве инструмента для, например, исторических реконструкций – различна. Из наиболее интересных и перспективных я бы выделил в первую очередь запрет на сжигание ярма, запрет на убийство лягушек / жаб, а также запрет на использование вина в посуде на подишорах. Как кажется, их углубленный анализ в дальнейшем позволит получить весьма ценную информацию как этнолингвистического, так и этноисторического характера.

Перспективы дальнейших исследований. Как уже было отмечено выше, представляется особенно перспективным дальнейшее углубленное исследование некоторых из очерченных поверий булаештских украинцев. Здесь, полагаю, в первую очередь необходимо сконцентрироваться на поиске аналогий этим поверьям в украинском ареале (с тем, чтобы составить достаточно точное представление о их распространенности / нераспространенности и конкретных локусах их проявления). А также – обратиться к исследованию вопроса о наличии / отсутствии аналогий указанным поверьям как в восточнороманском ареале в целом, так и в соседних с Булаештами молдавских селах – в первую очередь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бігусяк М. Покутсько-буковинське порубіжжя в контексті передкарпатських ареалів / Микола Бігусяк // Наукові записки ТНПУ. Серія: Мовознавство. – Вип. II (24). – Тернопіль, 2014. – С. 30–36.
2. Герман К. Ф. Атлас українських говірок Північної Буковини. Фонетика, фонологія / К. Ф. Герман. – Чернівці : Час, 1995. – 410 с.
3. Гороф'янюк І. В. До характеристики морфологічної системи української говірки с. Булаєшти Республіки Молдова / І. В. Гороф'янюк // Наукові записки Вінницького державного

педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Філологія. Вип. 16. – Вінниця, 2012. – С. 275–283.

4. Гороф'янюк І. В. Поховальний обряд Центрального Поділля: етнолінгвістичні студії / І. В. Гороф'янюк // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – Вип. 1/2. – Вінниця, 2015. – С. 33–71.

5. Гороф'янюк І. В. Фонологическая система украинского говора с. Булаешты (Орхейский р-н, Республика Молдова) и её отражение в транскрипции / И. В. Гороф'янюк, А. А. Романчук // Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича [відп. ред. Кожухар К. С., Кожухар В. Г.]– Vol. III.– Кишинів : StratumPlus, 2017. – С. 311–326.

6. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – 912 с.

7. Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности / В. С. Зеленчук. – Кишинев : Карта молдовеняскэ, 1959. – 96 с.

8. Романчук А. А. Ойконим *Мэрзаке* / *Мырзачь* и славяно-восточноромано-«пост-золотоордынские» этноязыковые взаимодействия в микроне Булэешть–Мырзачь–Суслень (Орхейский р-н, Республика Молдова) в раннемолдавский период (XIV – начало XVI вв.) / А. А. Романчук // Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича [відп. ред. Кожухар К. С., Кожухар В. Г.]– Том III. – Кишинев : StratumPlus, 2017. – С. 333–353.

9. Романчук А. А. Ранняя история украинского села Булаешты в контексте истории Молдовы (XIV – начало XVII вв. от Р. Х.) / А. А. Романчук, И. Н. Тащи. – Кишинев : Высшая Антропологическая Школа, 2010. – 144 с.

10. Романчук А. А. Этнолингвистика обряда передачи курицы над могилой у булаештских украинцев и его восточнороманские и славянские параллели: общее и особенное / А. А. Романчук // Філологічний часопис: зб. наук. праць [Зелінська О. Ю. (гол. ред.)]. – Вип. 1 (9). – Умань : Візаві, 2017. – С. 62–74.

11. Романчук А. Некоторые лексические булаештско-бойковские параллели в пространстве карпато-украинских говоров: предварительный анализ / А. Романчук, Е. Пупулова // Українсько-молдовські етнокультурні зв'язки: Міжнародні наукові читання пам'яті академіка Костянтина Поповича [відп. ред. Кожухар К. С., Кожухар В. Г.]– Том 1.– Кишинев : Elan-Poligraf, 2015 – С. 293–302.

12. Шухевич В. Гуцульщина. Ч. 3. / В. Шухевич // Матеріали до українсько-руської етнології. – Львів, 1904.– 257 с.

13. Romanchuk A. A. The rite of passing the hen over the tomb pit in the funeral tradition of Bulaesty's Ukrainians and its East Romanian and Slavic parallels: similarities and differences / A. A. Romanchuk // Revista de Etnologiesi Culturologie. –Vol. XXI, 2017. – P. 61–65.

Романчук А. Запрет на сжигание ярма и некоторые другие примечательные поверья погребально-поминального цикла в украинцев с. Булаешты Республики Молдова: этнолингвистический анализ.

В научный оборот впервые вводятся данные о вербализации некоторых, наиболее примечательных и перспективных в научном отношении, поверий и представлений погребально-поминального цикла у булаештских украинцев. Наибольший интерес среди них представляют запрет на сжигание воловьего ярма и запрет на убийство лягушек\жаб. А также запрет на использование вина вместо колодезной воды в посуде, которая раздается за помин души покойного во время похорон. Для первого из них аналогии пока обнаружены в ареале подольских говоров (Чечельницкий р-н Винницкой обл. – что коррелирует с

некоторыми лексическим параллелями булаештского говора). Второе поверье, достаточно редкое, все же представлено шире; территориально ближайшие к Булаештам зоны, где оно представлено – ареалы покутских, а также гуцульских говоров (что также коррелирует с полученными ранее на основе анализа диалектологических данных выводами). Поиск аналогий третьему поверью представляет собой задачу последующих исследований.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектология, украинские говоры, Республика Молдова, погребально-поминальная обрядность

Abstract

Romanchuk A. The forbiddance of burning of ox-yoke and some other beliefs of the Ukrainians' funerary cycle of Bulaesty village (Republic of Moldova): the ethnolinguistical analysis.

A set of new data concerning the verbalization of some interesting and perspective for researching beliefs of the Ukrainians' funerary cycle of Bulaesty village (the Orhei district, Republic of Moldova) is presented. Three of these beliefs are the most interesting. First of all, we should mention the belief that the burning of ox-yoke is a very bad, reprehensible action which provokes some troubles. The only parallel, which comes from the area of the Podilla language dialect (Verbka village, Chehelniitsky district of the Vinnitsa region), reveals the meaning of this belief as a sign of hard and painful death (a person who burned the ox-yoke would be not able to die for a long time). It should be pointed out also that the Bulaestian dialect demonstrates some lexical parallels with the same region as well.

The second belief is rare too; it prohibits the murdering of frogs and toads. According to the belief, this action provokes the death of mother of the person who did it. The areas of Pokutian and Hutsulian dialects are the closest to the Bulaesty village regions, where this belief exists. This fact also correlates with the conclusions done on the basis of studying of the dialectological data.

The third belief prohibits pouring wine instead of well or spring water in the dishes that are gifting to people during the funeral ceremony to remember the soul of a dead. The rite, as we take it as a whole, implies that a cup or a bowl, or some other kind of a dish with some water in it, a ritual bread, a candle and matches are put on a towel; it all together is named 'poduri' (bridge), and a coffin with a dead on the road to the cemetery has to cross 24 of such 'bridges' (that means 24 'custom houses' on the road of a dead person to the afterworld); after a «bridge» is crossed, it has to be gifted immediately to a man or a woman.

According to the last of considered beliefs, the use of wine instead of water in such case will be useless for a dead in his afterlife; all of the dishes will turn up empty in the afterworld, so, the dead will suffer from thirst.

The search for some analogies for the third belief will be the next step of studying of the beliefs of the Ukrainians' funerary cycle of Bulaesty village.

Besides the mentioned, some other beliefs of the funerary cycle of Bulaestians could be cited here as well. First of all, a ritual of passing of hens over the tomb pit, which was described and considered in detail in some previous publications. This ritual is evidently an archaic one, and it demonstrates very interesting area of its spread; its studying provokes a lot of questions and provides a great possibility to make clear some early stages of the history of Bulaestian dialect speakers.

Key words: ethnolinguistics, dialectology, Ukrainian dialects, Republic of Moldova, funerary beliefs.

References

1. Bihusiak M. Pokutsko-bukovynske porubizhzhia v konteksti peredkarpatskykh arealiv / Mykola Bihusiak // Naukovi zapysky TNPU. Serii: Movoznavstvo. – Vyp. II (24). – Ternopil, 2014. – S. 30–36.
2. Herman K. F. Atlas ukrainskykh hovirok Pivnichnoi Bukovyny. Fonetyka, fonolohiia / K. F. Herman. – Chernivtsi : Chas, 1995. – 410 s.
3. Horofianiuk I. V. Do kharakterystyky morfolohichnoi systemy ukrainskoi hovirky s. Bulaieshty Respubliky Moldova / I. V. Horofianiuk // Naukovi zapysky Vinnytskoho derzhavnogo pedahohichnogo universytetu imeni Mykhaila Kotsiubynskoho. Serii: Filolohiia. Vyp. 16. – Vinnytsia, 2012. – S. 275–283.
4. Horofianiuk I. V. Pokhovalnyi obriad Tsentralnogo Podillia: etnolinhvistychni studii / I. V. Horofianiuk // Visnyk Donetskoho natsionalnogo universytetu. Serii B. Humanitarni nauky. – Vyp. 1/2. – Vinnytsia, 2015. – S. 33–71.
5. Horofianiuk Y. V. Fonolohycheskaia systema ukraynskoho hovora s. Bulaeshty (Orkheiskyi r-n, Respublyka Moldova) y yeyo otrazhenye v transkryptsyy / Y. V. Horofianiuk, A. A. Romanchuk // Ukrainsko-moldovski etnokulturni zviiazky: mizhnarodni naukovi chytannia pamiati akademika Kostiantyna Popovycha [otv. red. Kozhukhar E. S., Kozhukhar V. H.]. – Vol. III. – Kyshyniv : StratumPlus, 2017. – S. 311–326.
6. Hura A. V. Symvolyka zhyvotnykh v slavianskoi narodnoi tradytsyy / A. V. Hura. – Moskva : Yndryk, 1997. – 912 s.
7. Zelenchuk V. S. Ocherky moldavskoi narodnoi obriadnosti / V. S. Zelenchuk. – Kyshynev : Kartia moldoveniaskə, 1959. – 96 s.
8. Romanchuk A. A. Oikonym *Merzake* / *Myrzach* y slaviano-vostochnoromano-«post-zolotoordynskye» etnoiazkykovye vzaymodeistvyia v mykrozone Bulesht–Myrzach–Suslen (Orkheiskyi r-n, Respublyka Moldova) v rannemoldavskiy peryod (XIV – nachalo XVI vv.) / A. A. Romanchuk // Ukrainsko-moldovski etnokulturni zviiazky: mizhnarodni naukovi chytannia pamiati akademika Kostiantyna Popovycha [vidp. red. Kozhukhar K. S., Kozhukhar V. H.]. – Tom III. – Kyshynev : StratumPlus, 2017. – S. 333–353.
9. Romanchuk A. A. Ranniaia ystoriia ukraynskoho sela Bulaeshty v kontekste ystorry Moldovy (XIV– nachalo XVII vv. ot R. Kh.) / A. A. Romanchuk, Y. N. Tashchy. – Kyshynev : Vysshaia Antropolohycheskaia Shkola, 2010. – 144 s.
10. Romanchuk A. A. Etnolinhvystyka obriada peredachy kurytsy nad mohyloi u bulaeshtskykh ukraintsev y eho vostochnoromanskye y slavianskye parallely: obshchee y osobennoe / A. A. Romanchuk // Filolohichni chasopys: zb. nauk. prats [Zelinska O. Yu. (hol. red.)]. – Vyp. 1 (9). – Uman : Vizavi, 2017. – S. 62–74.
11. Romanchuk A. Nekotorye leksycheskye bulaeshtsko-boikovskyye parallely v prostranstve karpato-ukraynskykh hovorov: predvartelnyi analiz / A. Romanchuk, E. Pupilova // Ukrainsko-moldovski etnokulturni zviiazky: Mizhnarodni naukovi chytannia pamiati akademika Kostiantyna Popovycha [vidp. red. Kozhukhar K. S., Kozhukhar V. H.]. – Tom I. – Kyshynev : Elan-Poligraf, 2015. – S. 293–302.
12. Shukhevych V. Hutsulshchyna. Ch. 3. / V. Shukhevych // Materiialy do ukrainsko-ruskoi etnolohii. – Lviv, 1904. – 257 s.
13. Romanchuk A. A. The rite of passing the hen over the tomb pit in the funeral tradition of Bulaesty's Ukrainians and its East Romanian and Slavic parallels: similarities and differences / A. A. Romanchuk // Revista de Etnologiesi Culturologie. – Vol. XXI, 2017. – P. 61–65.